

СОДЕРЖАНИЕ

ГОЛОСА ИЗ БЕЗДНЫ	11
НЕТ, НЕ ВСЁ	28
ЭТО Я, ФЕДЕНЬКА	35
РАКОВИНА НАВСЕГДА	41
СЫН ШПИОНА, ЦВЕТОК ЛАВАНДЫ	51
ЦВЕТОК БЕЗ ТВОЕГО ИМЕНИ	58
ПРИЗРАКИ	61
ПРОРВАТЬСЯ В ДАМКИ, СТАТЬ МАРГАРИТОЙ	69
ЛУЧШЕЕ И ПОСЛЕДНЕЕ СЧАСТЬЕ, КОТОРОЕ ВЫПАЛО НАМ НА ДОЛЮ	75
ЖИЗНЬ ИЗ ТЮБИКА	80
ОГРОМНАЯ ИДЕЯ КУСКА ХЛЕБА	87
ЧЕЛОВЕК КРИЧИТ И ЛЕПЕЧЕТ	94
ЗОЛОТОЕ КОЛЕЧКО ТЬМЫ	102
ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ СТРОЧКА	106
СТИХИ НА ТОЛСТОЙ ПОДОШВЕ	112
ИГРЫ ЗВУКА: СМАГИН — САМГИН	121
КОГДА ТЫ ВЫХОДИШЬ НА СВЕТ	126
СПОСОБ РЫДАНИЯ	135

ЗАЧЕМ ВЫ ОТОРВАЛИ ОПЕРНОЙ ПЕВИЦЕ ХВОСТ?	145
ТЕНЬ ИТОГОВ.....	150
НО МЫ-ТО ОСТАЛИСЬ	156
МЁД.....	160
ЧТО ЗА СТРАННЫЙ МАЛЕНЬКИЙ МАЯКОВСКИЙ?	164
ДЕТСКОЕ МЫЛО ДИКТАНТА.....	169
ЧЕРНАЯ НЕЗНАКОМКА.....	176
ДВЕ МУХИ	180
ПРИЗРАК РОЗОВОГО РЕВИЗОРА	185
ТЬМА НА ПОДУШЕЧКЕ	188
ЧУНЯ УМЕРЛА	191
СТИХИ ОБО ВСЕМ	194
ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ЛИНИИ СХОДЯТСЯ	199
ШЕСТОЕ ЧУВСТВО СТАРИКА.....	205
СУМАСШЕДШИЕ БОБРЫ	208
САХАР НАШЕЙ ЖИЗНИ.....	213
ЧТО ЖЕ ТЫ НАДЕЛАЛ, МОЙ МАЛЕНЬКИЙ?	219
ОТОРВАННЫЕ ОТ ЗЕМЛИ ПОДОШВЫ	225
ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС.....	230
УДАРЯЙ МЕНЯ ПРАВИЛЬНО.....	235
ГОСПОДИ, ДА ВЫКЛЮЧИ ТЫ ЭТУ ЕЛКУ.....	242
НЕБО, КОТОРОЕ ТЕБЯ СЪЕСТ.....	247
НЕПРАВИЛЬНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ, или ВЫМЫТЫЙ ПУШКИН	254
СЧАСТЬЕ МОЕ	258
НИ ТЕРКИ, НИ ВОРОНКИ, НИ МОЧАЛКИ	261

«Пишу всё, кроме доносов»	267
СВЕЖ И ЯСЕН	272
ПЛАЧ РЫБЫ	277
СЧАСТЬЕ	283
СВЕЧА И БАБОЧКА	293
ЧЕЛОВЕК-ПИСЬМО	302
И ДЕВОЧКА БЕЖИТ	307
БУДИЛЬНИК СУДЬБЫ	312
КАСКА ПО ИМЕНИ ФРАНЦ КАФКА.....	317
Я ЗЛОЙ.....	322
СТИХИ НА СТЕНАХ.....	329
ИГРУШКИ АГНИИ БАРТО.....	333
ЗОЛОТО С КУПОЛОВ УЖЕ СНЯТО.....	338
МЕРТВАЯ РЫБА ВСЕГДА С ТОБОЙ	342
ГАГАЧИЙ ПУХ ДЛЯ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА.....	346
БУДЕМ ЖДАТЬ МАМЫ НЕБЕСНОЙ	349
СОН О ТАТЬЯНЕ ТОЛСТОЙ.....	355
ЗОЛОТОЙ СОН ПРО ШУРУ	358
УБИЙЦА, РОДИВШИЙСЯ В СЕМЬЕ МИЛИЦИОНЕРА	367
ЦВЕТ ЛЕДЯНОЙ ЦВЕТАЕВСКОЙ РОЗЫ	373
СЛИШКОМ МНОГО «ЭМ», СЛИШКОМ МНОГО «ЭС»	381
О ПРЕДЫДУЩИХ.....	384
ТО ЛИ МНЕ ПРИВИДЕЛАСЬ СТРЕКОЗА, ТО ЛИ Я ПРИВИДЕЛСЯ СТРЕКОЗЕ	390
ВАС ТУТ НЕ СТОЯЛО	397
СВОБОДНОЕ ЖИВОТНОЕ ВСЕГДА УПЛЫВАЕТ.....	404

ДИАФИЛЬМ, КОТОРЫЙ НЕ ВЕРНЕТСЯ	409
ВАШ ГОЛОС ПОСЛЕДНИЙ.....	419
ЕСЛИ СРАВНИТЬ ПОЭТОВ С ПРОДУКТАМИ	427
ПОДРУГА ОСЕТРА	435
БЫТЬ ПРОЗРАЧНЫМ	442
СТИХИ НА КОЛЕНКЕ	445
НЕПРИДУМАННЫЙ СУМАСШЕДШИЙ	449
НЕБЕЗУПРЕЧНАЯ.....	455
ГОЛЫЕ ЛАДОНИ	461
ПОДЛОЖНЫЙ ПУШКИН.....	467
ЧУЖОЙ ЧАПЛИН	471
ИЗ ТЕНИ В СВЕТ ПЕРЕЛЕТЯЯ	476
ВАМ ПОЗВОНЯТ	481
ПУСТЬ НИЧТО НЕ ЗАКОНЧИТСЯ ПЛОХО	486
МЫ ВСЕ ЧУДОВИЩА	491
ЛЕДЯНЫЕ ЯБЛОКИ.....	496

*Я умру от войны.
Я умру от любви.
Я умру от старости.
Я никогда не умру.*

ГОЛОСА ИЗ БЕЗДНЫ

Яни одного своего дедушку не помню: просто не видел.

Если по маминой линии это еще может быть понятный провал в детской памяти (ну был там какой-то дядя, приходил к бабушке, которая с ним давно развелась), то по папиной это просто было невозможно: он умер в пятьдесят первом году.

Моя тетка пишет (я почему-то полюбил это пушкинское «тетка», мы раньше так не говорили, только «тетя», «тетя», но вот Пушкин не боялся, так и писал: «Тетка меня все балует — для моего рождения прислала мне корзину с дынями, с земляникой, клубникой», — поэтому я теперь тоже как Пушкин, только без земляники), так вот моя тетка пишет:

«Сегодня семьдесят лет со дня смерти нашего с Борей папы. Это практически вся наша жизнь. Мало знаем, плохо помним, но воспитаны мамой в большой любви. Когда бываем в Крыму, всегда заезжаем на Братское кладбище».

И вешает фотографию.

А я смотрю на дедушкино лицо и почему-то обращаю внимание на губы. Они сложены в чуть-чуть ироничной улыбке. Кажется, дедушка не собирается относиться к нам серьезно.

Здравствуйте, Дмитрий Спиридонович. Вы меня не знаете, я вас тоже, но меня назвали в вашу честь и мне нравится, как вы улыбаетесь.

«Ш-ш-ш-ш», — говорит время. И то ли это ветер, то ли шип валика, то ли граммофонная пластинка, которая была записана, когда и дедушки моего не было, а полноправно властвовал только прадедушка.

Время так летит, оставляет за поворотом все, что казалось незабываемым, вечным, жизнь, жизнь оставляет, вот уже и поворот исчез, теперь какая-то новая большая дорога. Но пока есть память, туманные воспоминания, почему бы не подслушать сквозь хрип и шип времени — чужие голоса.

Я помню, как однажды моя мачеха, когда мне еще было лет двенадцать, принесла в дом (нет, нет, не подснежники, хотя это и не она по сказке должна была нести) пластинку фирмы «Мелодия». На обложке альбома (мы и не знали раньше таких слов, пластинка и пластинка, это только потом все стали называть их альбомами, да и стоит сразу сказать, что пластинка была виниловая) была фотография прекрасной женщины с грустными глазами, приспущенными уголками губ, челкой и с чем-то невероятным и белым на голове. То ли меховая шапка из ламы, то ли перья, то ли еще что.

«Потом я вспомню» называлась пластинка. «Белла Ахмадулина». И приписка: читает автор.

Потом я вспомню, что была жива,
зима была, и падал снег, жара
стесняла сердце, влюблена была —
в кого? во что?

Был дом на Поварской
(теперь зовут иначе)... День-деньской,
ночь напролет я влюблена была —
в кого? во что?

ГОЛОСА ИЗ БЕЗДНЫ

В тот дом на Поварской,
в пространство, что зовется мастерской
художника.
<...>

Художник уходит, а она (героиня, Ахмадулина? Ну, конечно, сама Ахмадулина: мы давно не верим в лирических героев) ждет его. И день в окне начинает меркнуть.

Потом я вспомню, что казался мне
труд ожидания целью бытия,
но и тогда соотносила я
насущность чудной нежности — с тоской
грядущей... А дом на Поварской —
с немислимым и неизбежным днем,
когда я буду вспоминать о нем...

Этот распев, эта печаль, эта тягучесть. «Потом я вспомню, что была жива». (Удивительно, я помню это стихотворение наизусть, но первую строчку повторяю неправильно. Я ставлю интонационное двоеточие: «Потом я вспомню: я была жива». Никаких союзов.)

Как странно бывает слушать поэтов. Особенно тех, кого и послушать не мечтал. Кажется, ну как мы могли бы услышать Блока? Или Сологуба? Сквозь любой треск и любое шипение. Из темноты времени — не разбитые, как бы пришли к нам эти голоса? Да и в голову сперва не приходит, что их вообще кто-то мог записывать.

Но слава богу записали. И не разбили. Не стерли с валика.

Вот Брюсов звучит:

И в наших городах, в этой каменной бойне,
Где взмахи рубля острей томагавка,

Где музыка скорби лишена гармоний,
Где величава лишь смерть, а жизнь — только ставка...

Но придется прервать. Слишком много сипа в этой записи Валерия Брюсова (Блок вообще не дается для звукодемонстрации, утоплен в шум времени, только макушка голоса торчит).

Когда-то, давным-давно я сидел на маленькой даче у своих друзей. Там цвел окрепший розовый куст, стрекотал кузнечик. И там мы слушали диск с голосами поэтов начала XX века. Почему-то среди поэтов затесался и Лев Толстой. Но и он читал как поэт: нараспев. Причем что-то свое публицистическое, легендарное, чуть ли не «Не могу молчать».

И это было умилительным. Такая глыба, такой человецище читает грубую публицистику, зачем-то читает на фонограф (вышел к приехавшей команде, одернул свою толстовку, пригладил бороду, сел), и все равно — пел.

Как и все до него. Все пели, все звучали через треск, хрип и шипенье, все тосковали.

И только один Мандельштам — торжествовал.

Нет, никогда, ничей я не был современник,
Мне не с руки почет такой.
О, как противен мне какой-то соименник,
То был не я, то был другой.

Два сонных яблока у века-властелина
И глиняный прекрасный рот,
Но к млеющей руке стареющего сына
Он, умирая, припадет.

Я с веком поднимал болезненные веки —
Два сонных яблока больших,

ГОЛОСА ИЗ БЕЗДНЫ

И мне гремучие рассказывали реки
Ход воспаленных тяжб людских.

Сто лет тому назад подушками белела
Складная легкая постель,
И странно вытянулось глиняное тело, —
Кончался века первый хмель.

Среди скрипучего похода мирового —
Какая легкая кровать!
Ну что же, если нам не выковать другого,
Давайте с веком вековать.

И в жаркой комнате, в кибитке и в палатке
Век умирает, — а потом
Два сонных яблока на роговой облатке
Сияют перистым огнем.

Корней Чуковский когда-то написал о Мандельштаме (в 1920 году), что в комнате его «не было ничего, принадлежащего ему, кроме папирос — ни одной личной вещи. И тогда я понял самую разительную его черту — безбытность. Это был человек, не создававший вокруг себя никакого быта и живущий вне всякого уклада». А Волошин сказал: «Мандельштам не хочет разговаривать стихом — это прирожденный певец... Голос Мандельштама необыкновенно звучен и богат оттенками...»

Но вообще больно (повторюсь) было слушать эти богатые и небогатые оттенками бестелесные голоса.

У современного поэта Всеволода Зельченко есть стихотворение «Футуристы в 1913 году»:

Когда могучая зима пригнула нас к земле
И в пляс безногая сама пустилась на столе,